

DOI: [10.14515/monitoring.2022.1.1861](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.1.1861)

И. А. Дорханов, Б. О. Соколов

КОНФЕССИЯ, РЕЛИГИОЗНОСТЬ И АНТИИММИГРАНТСКИЕ НАСТРОЕНИЯ В ЕВРОПЕ: АНАЛИЗ ДАННЫХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЦИАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Правильная ссылка на статью:

Дорханов И. А., Соколов Б. О. Конфессия, религиозность и антииммигрантские настроения в Европе: анализ данных Европейского социального исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 1. С. 61—82. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.1.1861>.

For citation:

Dorkhanov I. A., Sokolov B. O. (2022) Denomination, Religiosity and Anti-Immigrant Attitudes in Europe: Evidence from the European Social Survey. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 61–82. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.1.1861>. (In Russ.)

КОНФЕССИЯ, РЕЛИГИОЗНОСТЬ И АНТИ-ИММИГРАНТСКИЕ НАСТРОЕНИЯ В ЕВРОПЕ: АНАЛИЗ ДАННЫХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЦИАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

ДОРХАНОВ Илья Андреевич — независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: i.dorhanov@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

СОКОЛОВ Борис Олегович — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: bssokolov@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5151-8147>

Аннотация. В статье исследуется, как конфессиональная принадлежность и уровень индивидуальной религиозности европейцев связаны с их отношением к иммигрантам, представляющим различные религиозные группы. На основании теории социальной идентичности и теории религиозного сострадания выдвигается ряд гипотез относительно связи указанных факторов и толерантности к приезжим. Теория социальной идентичности утверждает, что индивиды склонны видеть в «своей» группе источник позитивной самоидентификации и потому воспринимают «инаковость» (например, принадлежность к иной религиозной группе; в случае Европы — к мусульманскому сообществу) как символическую угрозу. Согласно теории религиозного сострадания, религиозные индивиды сильнее привержены таким ценностям, как сострадание и забота о тех, кто испытывает трудности, и поэтому в большей степени

DENOMINATION, RELIGIOSITY AND ANTI-IMMIGRANT ATTITUDES IN EUROPE: EVIDENCE FROM THE EUROPEAN SOCIAL SURVEY

*Ilya A. DORKHANOV*¹ — Independent Researcher
E-MAIL: i.dorhanov@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

*Boris O. SOKOLOV*² — Cand. Sci. (Polit.), Senior Research Fellow, Laboratory for Comparative Social Research
E-MAIL: bssokolov@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5151-8147>

¹ St. Petersburg, Russia

² HSE University, St. Petersburg, Russia

Abstract. This paper examines links between individual religiosity (defined both as denomination and subjective religiosity) and attitudes toward immigrants of various religious backgrounds among Europeans. These links are being analyzed through the lenses of social identity theory and religious compassion theory. Social identity theory claims that individuals tend to find a source of positive self-identification in their in-group. Therefore, they perceive the “otherness” (for instance, membership in a religious out-group, e.g., Muslims in European countries) as a symbolic threat to their identity. According to the religious compassion theory, the more religious individuals are, the more they are committed to such values as compassion and care for those facing hardships, which makes them more sympathetic to such a vulnerable group as immigrants. At the same time, the level of such solidarity is directly related to the perceived “closeness” of

склонны сочувствовать иммигрантам как уязвимой стране. При этом уровень солидарности прямо связан с тем, насколько «близкой» с религиозной точки зрения воспринимается конкретная группа приезжих.

На материалах седьмой волны Европейского социального исследования (ESS) по двадцати странам (сбор данных проводился в 2014—2015 гг., в разгар миграционного кризиса в Евросоюзе) строятся две многоуровневые регрессионные модели (в качестве первого уровня анализа выступают респонденты, в качестве второго — страны), в которых зависимыми переменными являются неприятие иммигрантов-мусульман и важность наличия у иммигрантов христианского бэкграунда. Результаты анализа показывают, что христиане (и католики, и протестанты) и более религиозные люди в большей степени склонны отдавать предпочтение иммигрантам из преимущественно христианских стран по сравнению с не принадлежащими ни к одной конфессии или нерелигиозными респондентами. При этом отношение к иммигрантам-мусульманам не связано ни с конфессиональной принадлежностью, ни с уровнем индивидуальной религиозности. Таким образом, в европейском контексте и теория религиозного сострадания, и теория социальной идентичности подтверждаются лишь отчасти.

Ключевые слова: иммиграция, анти-иммигрантские настроения, религиозность, теория социальной идентичности, теория религиозного сострадания, Европейский союз, Европейское социальное исследование, многоуровневый регрессионный анализ

a particular immigrant group in terms of its religion. Using the data from the 7th wave of the European Social Survey (ESS) on 20 European countries (fieldwork was conducted in 2014–2015, coinciding with the onset of the European migrant crisis), two multilevel regression models are fitted, with the hostility to Muslim immigrants and the importance of Christian background of immigrants as dependent variables. The results show that Christians (both Catholics and Protestants) and more religious people tend to prefer immigrants of Christian background, compared to the individuals who do not belong to any denomination and non-religious individuals respectively. However, the attitude towards Muslim immigrants is related neither to denomination nor to individual religiosity. It means that in the European context, both the religious social identity theory and the religious compassion theory are only partly supported.

Keywords: immigration, anti-immigrant attitudes, religiosity, social identity theory, religious compassion theory, European Union, European Social Survey, multilevel regression modeling

Введение

Проблема иммиграции занимает особое место в европейской политической повестке. Миграционный кризис последних лет [Holmes, Castañeda, 2016], дебаты об иммиграционной политике как проблеме европейской безопасности [Bove, Böhmelt, 2016], рост популярности партий и политиков, выступающих с антииммигрантских позиций¹ [Greven, 2016; Muis, Immerzeel, 2017; Rooduijn, 2015], связь между восприятием иммиграции и отношением европейцев к Евросоюзу [Hobolt, 2016; Kentmen-Cin, Erisen, 2017] — все это неизбежно ставит перед исследователями вопрос о причинах, по которым среди европейцев возникают антииммигрантские настроения. В данной статье в качестве одной из этих причин рассматривается религиозность.

Хотя религиозная проблематика уже давно занимает важное место в научной литературе по вопросу иммиграции в Европе, чаще всего она обсуждается в контексте исламской религиозности *иммигрантов* и того комплекса явлений, который С. Хантингтон назвал «столкновением цивилизаций» [Хантингтон, 1994]. Куда меньше исследований посвящены вопросу о том, как религиозность *жителей принимающих стран* влияет на их отношение к иммигрантам. При этом, несмотря на широко распространенное (в том числе среди исследователей иммиграции) представление о светском характере современных европейских обществ [Casanova, 2007; Foner, Alba, 2008], христианство по-прежнему сохраняет важное место в жизни европейцев. Часть европейских государств признает те или иные христианские конфессии государственными (официальными), предоставляет им бюджетное финансирование, объявляет христианские праздники выходными днями, отвергая при этом аналогичные притязания со стороны религий иммигрантов, в первую очередь ислама [Alba, Foner, 2014]. Исследования также указывают на связь между религиозностью европейцев и их взглядами по вопросам, относящимся к проблематике иммиграции, такими как поддержка крайне правых партий [Immerzeel, Jaspers, Lubbers, 2013; Lucassen, Lubbers, 2012] и отношение к Евросоюзу [Nelsen, Guth, Fraser, 2001; Van der Brug, Hobolt, De Vreese, 2009]. Наконец, в некоторых европейских обществах существует феномен «этнической религии», понимаемой не как вера в сверхъестественное, обрядность и т. д., а как этнокультурный маркер, призванный отделять «своих» от «чужих» [Hervieu-Léger, 2000; Storm, 2011]. В совокупности эти факторы, опосредованно связывающие религиозность и антииммигрантские настроения, указывают на важность изучения связи между религиозностью европейцев и их отношением к иммигрантам.

В настоящей статье анализируется обусловленность антииммигрантских настроений в Европе двумя факторами, часто изучаемыми в контексте влияния религиозности на политические взгляды: конфессиональной принадлежностью и уровнем индивидуальной религиозности. Для этого используются материалы седьмой волны Европейского социального исследования (European Social Survey — ESS) по 20 государствам Европы и продвинутый метод статистического анализа — многоуровневое регрессионное моделирование. При этом учитывается

¹ См., например: Greven T. The Rise of Right-Wing Populism in Europe and the United States. A Comparative Perspective. Washington, DC: Friedrich Ebert Foundation, 2016. URL: http://dc.fes.de/fileadmin/user_upload/publications/RightwingPopulism.pdf (дата обращения: 20.01.2022).

религиозность как жителей принимающих стран, так и самих мигрантов — отношение к иммигрантам-мусульманам и отношение к иммигрантам из преимущественно христианских стран рассматриваются в качестве отдельных зависимых переменных.

Религиозность и антииммигрантские установки: что известно?

Научные работы по теме антииммигрантских настроений в Европе можно объединить в две большие группы [Hainmueller, Hopkins, 2014]. Одни исследователи объясняют неприятие иммигрантов с помощью социально-экономических факторов, таких как безработица, бедность и т. п. [Billiet, Meuleman, De Witte 2014; Citrin et al., 1997; Meuleman, 2011; Swank, Betz, 2003]. Другие видят причины поддержки антииммигрантской повестки дня в культурно-символической сфере, то есть в опасениях за национальную идентичность и отторжении людей с поведенческими установками и мировоззрением, отличными от господствующих в принимающем обществе [Davidov et al., 2014; Leong, Ward, 2006; Lucassen, Lubbers, 2012; Saroglou et al., 2009]. Представление об иммигрантах как источнике опасности обычно основано на воспринимаемой (*perceived threat*), а не на реальной угрозе или личном опыте, при этом различные группы иммигрантов связываются с разными типами угроз [Azrout, Wojcieszak, 2017; Schneider, 2008]. Иммигранты из других стран Европы воспринимаются европейцами главным образом в терминах экономических угроз: конкуренции на рынке труда, роста социальных расходов и налоговой нагрузки и других негативных факторов, связанных с личным материальным интересом. В то же время иммигранты из исламских стран ассоциируются с символической угрозой — «размыванием» национальной идентичности, традиционных европейских (как христианских, так и секулярных) ценностей и культуры.

Множество исследований (подробный обзор работ по теме см. [Hainmueller, Hopkins, 2014]) с разными теоретическими предпосылками и методологическим дизайном — как кросс-национальных, так и кейс-стади, — говорят о том, что антииммигрантские настроения в странах Запада в большей степени объясняются культурно-символическими факторами, чем экономическими [Burns, Gimpel, 2000; Card, Dustmann, Preston, 2012; Citrin et al., 1997]. Так, Дж. Фетцер [Fetzer, 2000], используя данные по Франции, Германии и США, пришел к выводу, что личная экономическая заинтересованность и экономическая маргинализация оказывают незначительное влияние на позицию респондента по проблеме иммиграции. В свою очередь, Дж. Сайдс и Дж. Ситрин [Sides, Citrin, 2007] установили, что в ряде европейских государств низкий уровень социального доверия и опасения за культурную и национальную идентичность теснее связаны с антииммигрантскими настроениями, чем материальное положение индивида и оценка им экономической ситуации в стране. Наконец, Ж. Биллиет, Б. Мельман и Х. Де Витте [Billiet, Meuleman, De Witte, 2014] показали, что отсутствие работы, нестабильная занятость и материальная депривация относительно слабо связаны с восприятием «этнической угрозы». При этом эффект первой из перечисленных переменных зависит от показателей роста ВВП конкретных стран и может порождаться общим ощущением экономической незащищенности, а не конкретными финансовыми

трудностями отдельных людей. Таким образом, есть основания полагать, что символические факторы оказываются более важной детерминантой антииммигрантских настроений, чем экономические.

Что можно сказать о роли религиозности в данном контексте? В литературе распространено утверждение о положительной связи между принадлежностью к доминирующей в обществе религии и антииммигрантскими взглядами в европейских странах. Иногда речь идет о христианской самоидентификации в целом [Scheepers, Gijsberts, Coenders, 2002; Scheepers, Gijsberts, Hello, 2002], иногда — о принадлежности к отдельным конфессиям, например католицизму [Savelkoul et al., 2010], однако почти везде (в том числе в данной работе) «принадлежность» понимается как самоидентификация индивида с религией (конфессией). Тем не менее эффект религиозной идентичности не всегда столь однозначен — важна и религиозная принадлежность самих мигрантов. Согласно И. Сторм [Storm, 2011], принадлежность к доминирующей конфессии положительно связана с восприятием иммигрантов как культурной угрозы лишь в тех странах Европы, где значительная их часть являются мусульманами, а доминирующая конфессия воспринимается главным образом как культурный маркер, а не повседневные «вера и ритуал». Помимо этого, живущие в европейских странах представители нехристианских религий менее склонны к предрассудкам против этнических меньшинств, чем христиане и нерелигиозные люди [Scheepers, Gijsberts, Hello, 2002].

Данные предыдущих исследований касательно эффектов индивидуальной религиозности неоднозначны. По результатам исследования на материале 24 европейских стран, более религиозные (по самооценке) индивиды склонны лучше относиться к иммигрантам [Davidov et al., 2014]. Однако в некоторых обществах эта связь имеет противоположный характер. Так, в Греции религиозные индивиды хуже относятся к иммигрантам — по-видимому, под влиянием консервативного дискурса православной церкви [Karyotis, Patrikios, 2010]. В Бельгии хуже всего воспринимают ношение хиджаба в общественных местах ультраконсервативные верующие-христиане, а также индивиды, негативно относящиеся к любым религиям как таковым. Другими словами, нетерпимость к иммигрантам связана скорее с непримиримостью в вопросах религии, чем собственно с религиозностью [Saroglou et al., 2009]. Дифференцированные эффекты различных аспектов индивидуальной религиозности отмечают П. Схеперс, М. Гейсбертс и М. Хелло в исследовании одиннадцати европейских стран — частота посещения церкви положительно связана со склонностью к этническим предрассудкам, тогда как степень знакомства с религиозной доктриной и важность религии для индивида — отрицательно [Scheepers, Gijsberts, Hello, 2002].

Таким образом, связь между различными измерениями религиозности (конфессиональной принадлежностью и уровнем индивидуальной религиозности) и антииммигрантскими взглядами неоднозначна и проявляется по-разному в различных социальных контекстах. Едва ли можно говорить о том, что обнаружены какие-либо устойчивые паттерны как в мировом, так и в европейском контексте. В существующих работах обычно рассматривается только одно из этих измерений религиозности [Davidov et al., 2014; Fetzer, 2000; Hayes, Dowds, 2006; Karyotis, Patrikios, 2010; Saroglou et al., 2009; Storm, 2011], реже — оба [Savelkoul

et al., 2010], при этом лишь в рамках одной или нескольких стран (исключения см. [Scheepers, Gijssberts, Hello, 2002; Davidov et al., 2014]). Религиозность самих мигрантов также редко попадает в исследовательский фокус. Кроме того, наблюдаются явные лакуны и в плане теоретического осмысления возможной связи индивидуальной религиозности и конфессиональной принадлежности с антииммигрантскими взглядами.

Теория и гипотезы

Исследования по проблематике религиозности и антииммигрантских настроений редко опираются на конкретный теоретический подход и отталкиваются скорее от имеющихся данных. Однако есть несколько теорий, которые можно использовать для объяснения связи между религиозностью и антииммигрантскими взглядами. Наиболее перспективными здесь представляются теория социальной идентичности [Brader, Valentino, Suhay, 2008; Tajfel, 1981] и теория религиозного сострадания [Bloom, Arikan, Courtemanche, 2015]².

Теория социальной идентичности основана на идее, что индивид находит в группе, к которой принадлежит (in-group), позитивную самоидентификацию за счет подчеркивания положительных отличий этой группы от «внешних» групп (out-groups). То, что воспринимается как символическая угроза для группы (в частности, религиозная или другая инаковость), будет считываться ее членом и как угроза для него самого [Brader, Valentino, Suhay, 2008; Tajfel, 1981]. Желание защитить свою идентичность от посягательств со стороны «других» становится причиной межгрупповых конфликтов.

Религиозная идентичность представляется особенно важным типом социальной идентичности в силу того, что она, как правило, рано усваивается индивидами, укрепляется на протяжении жизни и задает разделяемые членами сообщества ценностные ориентиры [Bloom, Arikan, Courtemanche, 2015: 2]. Важной чертой религиозной идентичности, подобно национальной или этнической, является ее «сплывающий и принуждающий» характер [Ysseldyk, Matheson, Anisman, 2010: 63]. Однако религиозная идентичность воспринимается еще и как приверженность «высшей истине», что усиливает ее привлекательность и в определенной степени укрепляет чувство превосходства над другими группами [ibid.: 61—62]. Возможно, именно такая консолидирующая и разграничивающая роль религии приводит к тому, что религиозная идентичность становится важным фактором при конструировании границ национального сообщества [Hadler, Flesken, 2018]. Это, в свою очередь, может приводить и к росту неприятия иммигрантов с другой религиозной идентичностью (в случае Европы — в основном мусульман), и к более толерантному отношению к иммигрантам-христианам или, по крайней мере, выходцам из преимущественно христианских стран (которых представители христианских конфессий принимающей страны будут воспринимать как членов «близкой» группы).

² Здесь можно также упомянуть теорию этнической конкуренции [Olzak, 1994; Quillian, 1995] и теорию маргинализации [Allport, Kenneth, Tettugrew, 1979; Betz, 1994; Fetzer, 2000]. Однако первая лишь объединяет положения теории социальной идентичности с реалистической теорией группового конфликта, а вторая основывается на материалах небольшого количества кейс-стади, проводившихся к тому же в весьма специфических контекстах (см., например, [Hayes, Dowds, 2006]).

Напротив, индивиды, не причисляющие себя к какой-либо конфессии, будут менее склонны к исламофобии, поскольку позитивная самоидентификация через религию и ощущение символической угрозы свойственны им в меньшей степени (кроме, возможно, лиц, рассматривающих любую религию как угрозу секулярной европейской идентичности [Savelkoul et al., 2010]). Также можно предположить, что для таких индивидов христианский бэкграунд приезжих будет менее значимым.

Вышеописанные соображения суммируются следующими исследовательскими гипотезами:

Гипотеза 1 (Г1): Христиане (католики и протестанты) хуже относятся к иммигрантам-мусульманам, чем люди, не принадлежащие к какой-либо конфессии.

Гипотеза 2 (Г2): Наличие у иммигрантов христианского бэкграунда важнее для христиан (католиков и протестантов), чем для людей вне конфессии.

Помимо различий между христианами и индивидами вне конфессий можно было бы рассмотреть и различия между католиками и протестантами в отношении к иммигрантам-мусульманам. Однако строить обоснованные предположения по этому поводу довольно сложно. Значимых различий между католиками и протестантами по вопросу отношения к иммигрантам либо не обнаруживается [Scheepers, Gijsberts, Hello, 2002], либо они исчезают при учете контрольных переменных [Savelkoul et al., 2010]. Поэтому в данном исследовании не выдвигается гипотез, касающихся различий между католиками и протестантами в плане их отношения к иммигрантам-мусульманам.

Под теорией религиозного сострадания (*religious compassion theory* [Bloom, Arian, Courtemanche, 2015]) здесь подразумевается то объяснение связи между индивидуальной религиозностью и отношением к иммиграции, которое пока не имеет устоявшегося наименования в литературе, но встречается относительно часто. Согласно этому объяснению, важными ценностями во многих религиозных учениях являются сострадание и забота о тех, кто переживает трудности и лишения [Boomgaarden, Freire, 2009; Knoll, 2009], особенно если эти люди принадлежат к той же религиозной группе или хотя бы воспринимаются как «близкие» по тому или иному признаку [Norenzayan, 2013]. Поэтому можно ожидать, что люди с высоким уровнем индивидуальной религиозности будут с большим сочувствием относиться к иммигрантам как к уязвимой группе. Впрочем, на практике «религиозное сострадание» взаимодействует с соображениями социальной идентичности и потому должно касаться в первую очередь единоверцев, принадлежащих к «своей» расовой или этнической группе, во вторую — единоверцев из других групп, а на остальных иммигрантов распространяться в значительно меньшей степени. Соответственно, логично предложить следующую гипотезу:

Гипотеза 3 (Г3): Индивидуальная религиозность положительно связана с важностью наличия у иммигрантов христианского бэкграунда.

Тем не менее низкий уровень сочувствия иноверцам по сравнению с единоверцами не означает его полного отсутствия и тем более отрицательной связи между уровнем религиозности индивида и отношением к представителям иных религий. С другой стороны, индивидуальная религиозность во многом действительно индивидуальна. Придавая разное значение религии в ее различных аспектах, индивиды выдвигают на передний план те или иные особенности вероучения, приходя

к состраданию [Bloom, Arikan, Courtemanche, 2015; Boomgaarden, Freire, 2009] или неприязни на почве религии [Allport, Kramer, 1946; Karyotis, Patrikios, 2010]. Даже разные способы измерения уровня индивидуальной религиозности приводят к различным содержательным выводам в этом отношении [Allport, Kramer, 1946; Gorsuch, Aleshire, 1974; Scheepers, Gijsberts, Hello, 2002]. Поэтому, в силу противоречивости существующих данных и нехватки исследований по данному вопросу, можно выдвинуть две конкурирующие гипотезы касательно направления связи между индивидуальной религиозностью и восприятием мигрантов-мусульман. Первая из этих гипотез вдохновляется теорией религиозного сострадания, а вторая — теорией социальной идентичности:

Гипотеза 4а (Г4а): Индивидуальная религиозность положительно связана с отношением к мусульманской иммиграции.

Гипотеза 4б (Г4б): Индивидуальная религиозность отрицательно связана с отношением к мусульманской иммиграции.

Данные

Для проверки сформулированных в предыдущем разделе гипотез используются данные седьмой волны Европейского социального исследования (полевые работы проводились в 2014—2015 гг.). Седьмая волна выбрана в связи с тем, что в ее опросник включен специальный модуль с вопросами, измеряющими различные аспекты отношения европейцев к проблеме иммиграции³. Обратной стороной такого решения является невозможность изучить взаимосвязь между принадлежностью к православию и отношением к иммиграции, поскольку православные респонденты крайне слабо представлены в этой волне ESS. Стоит отметить, что проблематика связи антииммигрантских настроений и православия пока что остается слабо проработанной, особенно в рамках количественной методологии (как исключение см. [Шустов, 2018]), поэтому в данной статье не рассматривается.

Так как в фокусе настоящего исследования находятся эффекты христианской религиозности, перед анализом из исходной базы данных были исключены следующие группы респондентов:

1) представители всех религий, кроме католицизма и протестантизма (респонденты, не принадлежащие ни к одной из религий, оставлены в качестве опорной категории);

2) иммигранты в первом и втором (с хотя бы одним родителем-иммигрантом) поколении⁴;

3) респонденты из Израиля (исследование затрагивает только европейские страны, где наиболее популярной религией является христианство).

В результате для статистического анализа используется выборка, включающая материалы по 29 916 респондентам из 20 стран⁵.

³ Heath A., Schmidt P., Green E., Ramos A., Davidov E., Ford R. Attitudes towards Immigration and Their Antecedents: Question Module Design Template // European Social Survey. 2014. URL: https://www.europeansocialsurvey.org/docs/round7/questionnaire/ESS7_immigration_final_module_template.pdf (дата обращения: 20.01.2022).

⁴ Принадлежность к иммигрантам в первом поколении определялась через отрицательный ответ на вопрос «Вы родились в [данной стране]?»; во втором поколении — через отрицательный ответ хотя бы на один вопрос из двух: «Ваш отец родился в [данной стране]?» и «Ваша мать родилась в [данной стране]?».

⁵ Австрия, Бельгия, Великобритания, Венгрия, Германия, Дания, Ирландия, Испания, Литва, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, Словения, Финляндия, Франция, Чехия, Швейцария, Швеция и Эстония.

Для измерения отношения респондентов к иммигрантам, принадлежащим к различным религиозным традициям, используются следующие вопросы из анкеты ESS:

1) «В какой степени, на Ваш взгляд, [страна] должна позволить... мусульманам из других стран приезжать и жить здесь?» (в целях экономии пространства далее для этой и других переменных используется сокращенное обозначение из материалов ESS — *almuslv*);

2) «Насколько важно, чтобы они [иммигранты] выросли в христианской среде?» (*qfimchr*).

Вопрос о готовности принимать иммигрантов-мусульман отражает отношение непосредственно к иммиграции из исламских стран, что позволяет проверить наличие связи между христианской религиозностью и исламофобией среди европейцев. В свою очередь, вопрос о христианском бэкграунде иммигрантов — это индикатор важности принадлежности потенциальных иммигрантов если не к христианству, то к культуре, исторически связанной с этой религией⁶. Можно предположить, что эта переменная косвенно указывает на уровень восприятия иммигрантов-нехристиан (в первую очередь мусульман) как угрозы, помогая охватить тех респондентов, для которых прямой вопрос об отношении к иммиграции мусульман слишком чувствителен и заставляет их корректировать ответы в соответствии с социальными ожиданиями. В анкете седьмой волны ESS присутствовало несколько других вопросов, затрагивающих проблемы иммиграции, однако в настоящем исследовании они не рассматриваются, так как либо дублируют уже используемые зависимые переменные, либо плохо соотносятся с религиозной тематикой⁷.

Переменная *almuslv* является порядковой и включает четыре категории: «позволить многим приехать и жить здесь», «позволить некоторому количеству», «позволить немногим», «не позволять никому». Для упрощения интерпретации результатов она была перекодирована в бинарную таким образом, что значению 0 («да»; опорная категория) соответствуют ответы «позволить многим» и «позволить некоторому количеству», а значению 1 («нет») — «позволить немногим» или «не позволять никому». Переменная *qfimchr* измеряется по 10-балльной шкале, где 1 означает «совершенно не важно», а 10 — «крайне важно». Формально она также является порядковой, однако в исследованиях на материалах межстрановых сравнительных опросов порядковые переменные с пятью и более категориями обычно трактуются как интервальные.

⁶ Heath A., Schmidt P., Green E., Ramos A., Davidov E., Ford R. Op. cit.

⁷ Как следует из документации седьмой волны ESS, вопрос «В какой степени, на Ваш взгляд, [страна] должна позволить людям расы или этнической группы, отличной от большинства жителей [страны], приезжать и жить здесь?» (*imdfetn*) измеряет отношение к мигрантам «из непохожих групп» (*migrants from dissimilar groups*). Эта широкая формулировка явно включает в себя и иммигрантов-мусульман, но поскольку в анкете имеется вопрос об отношении непосредственно к ним, включать в анализ менее сфокусированный индикатор представляется излишним. По сходным соображениям исключен вопрос об иммигрантах из «бедных стран за пределами Европы» (*impcnt*): фактически он измеряет отношение к иммигрантам из стран «третьего мира». Вопросы «В какой степени, на Ваш взгляд, [страна] должна позволить людям той же расы или этнической группы, что и большинство жителей [страны], приезжать и жить здесь?» (*imsmetn*) и «Насколько важно, чтобы они [иммигранты] были белыми?» (*qfimwhit*) отражают скорее влияние националистических/расовых предрассудков, чем религиозных убеждений. Наконец, вопрос об отношении к иммиграции из «более бедных стран Европы» (*eimpcnt*) напрямую связан с экономической, а не с «символической» угрозой, в силу чего выходит за рамки данного исследования.

Зависимые переменные анализируются по отдельности, то есть для каждой из них создается отдельный набор регрессионных моделей. Было показано, что вопросы ESS, измеряющие отношение к различным группам иммигрантов, отражают один латентный фактор [Davidov et al., 2015; Davidov, Cieciuch, Schmidt, 2018]. Иными словами, различные аспекты отношения к иммигрантам сильно коррелируют друг с другом, поэтому возможно на их основе сконструировать единую зависимую переменную, например в виде аддитивного индекса⁸. Однако в данном исследовании проверяются гипотезы высокого уровня детализации, разные для разных зависимых переменных. Поэтому выбранная аналитическая стратегия представляется оптимальной, так как позволяет оценить корреляцию между различными независимыми и каждой из зависимых переменных по отдельности, в то время как при создании индекса специфический контент зависимых переменных «растворяется».

Объясняющими переменными выступают *конфессиональная принадлежность (конфессия/деноминация)* и *индивидуальная религиозность*. Деноминация является номинальной переменной, сконструированной на основе вопросов «Принадлежность к конкретной религии или деноминации» (*rlgblg*) и «Религия или деноминация, к которой принадлежите в настоящее время» (*rlgdnm*). Она имеет три возможных значения: *католики*, *протестанты* и *вне конфессий*. Эти категории формируются следующим образом. Респонденты, которые ответили «нет» на вопрос о конфессиональной принадлежности, причисляются к категории «вне конфессий». Затем те, кто ответил «да» и перешел ко второму вопросу, причисляются к категории «католики» или «протестанты» в зависимости от выбранного варианта (приверженцы всех других религий/конфессий из выборки исключались). Некоторые респонденты отказались отвечать на первый либо второй вопрос, однако таковых набралось всего лишь 0,9% от общего числа опрошенных; они также были исключены из анализа. Из оставшихся 11 012 (36,8%) человек идентифицировали себя как католики, 4 869 (16,3%) — как протестанты, 14 035 (46,9%) — как не принадлежащие ни к одной конфессии. *Индивидуальная религиозность* измеряется через вопрос «Независимо от принадлежности к конкретной религии, насколько Вы, на Ваш взгляд, религиозны?» (*rlgdgr*). Это интервальная переменная, принимающая значения от 0 («совершенно не религиозен») до 10 («очень религиозен»).

В качестве контрольных переменных в данном исследовании используются стандартные социально-демографические показатели: возраст (*agea* в материалах ESS), количество лет, потраченных на получение образования (*eduysr*), гендер (*gndr*) и наличие постоянной работы за последнюю неделю (*pdwrk*)⁹. Также учитываются три страновые характеристики, которые часто фигурируют в сравнительных исследованиях антииммигрантских настроений, так как позволяют отразить влияние социально-экономических различий между государствами: реальный ВВП на душу

⁸ Коэффициент корреляции Пирсона для пары *almuslv* и *qfimchr* равняется 0,42 ($p=0,000$).

⁹ Также в качестве контрольной переменной использовался индикатор политических взглядов по шкале «лево — право» (*lrscscale*). По указанной переменной, однако, наблюдается много пропущенных значений — 10,2%, в силу чего ее добавление в модель значительно сокращает выборку. Впрочем, даже в этом случае содержательные результаты в целом не менялись.

населения¹⁰, индекс человеческого развития (ИЧР)¹¹ и индекс Джини^{12,13}. Все используемые интервальные переменные были стандартизованы (приведены к шкале со средним ноль и стандартным отклонением единица). Описательные статистики для всех переменных до стандартизации приведены в таблице А1 в приложении.

Методы

Для эмпирического анализа используется многоуровневая регрессия с группоспецифическим свободным членом (*random intercept*)¹⁴: многоуровневая логистическая регрессия для бинарной зависимой переменной *almuslv* и многоуровневая линейная регрессия для интервальной зависимой переменной *qfimchr*. Основным преимуществом данного метода по сравнению со стандартными одноуровневыми регрессионными моделями является возможность учесть воздействие ненаблюдаемых страновых характеристик через рандомизацию свободного члена^{15,16}. В моделях для всех зависимых переменных наблюдением первого уровня является респондент, второго — страна проживания. Согласно методологическим рекомендациям, все интервальные переменные первого уровня были центрированы по группам, то есть преобразованы таким образом, чтобы в каждой группе среднее для данной переменной равнялось нулю [Bell, Jones, Fairbrother, 2018].

Чтобы определить, насколько оправдано применение многоуровневого дизайна, был подсчитан коэффициент внутриклассовой корреляции (*intra-class correlation coefficient, ICC*) для «пустых» моделей, включающих только группоспецифический свободный член. Этот показатель отражает долю дисперсии зависимой переменной, которую можно объяснить межстрановыми различиями (в отличие от индивидуальных различий внутри стран). При значениях ICC, меньших чем 0,05, использование многоуровневых моделей не имеет практического смысла [Волченко, Широканова, 2017: 20; Gelman, Hill, 2006: 449]. Для переменной *almuslv* ICC равняется 0,175, для *qfimchr* — 0,144.

Следует отметить, что при небольшом количестве стран (< 30) не рекомендуется включать в модель сразу несколько контрольных переменных второго уровня,

¹⁰ Main Tables: National Accounts // Eurostat. 2018. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/national-accounts/data/main-tables> (дата обращения: 12.04.2020).

¹¹ UNDP Human Development Index (HDI) // European Health Information Gateway. 2019. URL: https://gateway.euro.who.int/en/indicators/hfa_42-0500-undp-human-development-index-hdi/ (дата обращения: 12.04.2020).

¹² GINI Index (World Bank Estimate) // The World Bank Data. 2019. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI?type=points&view=map> (дата обращения: 12.04.2020).

¹³ Реальный ВВП на душу населения учитывался по состоянию на год (2014 или 2015) проведения в соответствующей стране опроса седьмой волны ESS (или год, на который пришлось большая часть периода полевых работ); данные по индексу человеческого развития и индексу Джини — по состоянию на 2015 г.

¹⁴ Существуют альтернативные варианты русского перевода англоязычного термина *random intercept* [Волченко, Широканова, 2017].

¹⁵ В силу недостатка места не представляется возможным подробно и с использованием математической нотации объяснить все особенности метода многоуровневой (используется также термин «иерархическая») регрессии. На русском языке детальный обзор по теме дают [Волченко, Широканова, 2017]; см. также классические учебники [Raudenbush, Bryk, 2002; Gelman, Hill, 2006].

¹⁶ В общем случае многоуровневые модели также позволяют учесть межстрановую вариацию в силе связи между зависимыми и объясняющими переменными посредством введения группоспецифических регрессионных коэффициентов (*random slopes*) для соответствующих предикторов. Однако в методологической литературе не рекомендуется использовать такие коэффициенты при небольшом количестве групп (<30) [Stegmuller, 2013; Bryan, Jenkins, 2016].

поэтому для каждой зависимой переменной было построено три модели, отличающиеся только используемым страновым предиктором. Поскольку результаты содержательно не различаются, то для экономии места сообщаются коэффициенты только для моделей с ВВП в качестве контрольной переменной¹⁷. Для оценки параметров моделей используется метод ограниченного максимального правдоподобия¹⁸. Все расчеты были выполнены в программной среде R (версия 3.6.1)¹⁹.

Результаты

Результаты регрессионного анализа представлены в таблице 1. Первые две колонки показывают оценки коэффициентов для моделей, в которых зависимой переменной является (не)готовность принимать мусульман, тогда как третья и четвертая — для моделей с зависимой переменной, отражающей важность для респондента христианского бэкграунда иммигрантов. Так как первые две модели — это бинарные логистические регрессии, то коэффициенты представлены в виде отношения шансов (*odds ratio*)²⁰. В оставшихся двух моделях коэффициенты показывают аддитивные эффекты соответствующих предикторов²¹. В содержательном отношении полученные оценки коэффициентов позволяют сделать следующие выводы.

Таблица 1. Результаты многоуровневого регрессионного анализа

Переменные	Мусульмане	Мусульмане	Христианский бэкграунд	Христианский бэкграунд
	Отношение шансов	Отношение шансов	Линейный эффект	Линейный эффект
Константа	1,25 (0,94—1,67)	1,33 (1,00—1,77)	−0,19 ** (−0,30—0,07)	0,06 (−0,06—0,19)
Деноминация: протестанты	1,07 (0,99—1,16)		0,41 *** (0,38—0,44)	
Деноминация: католики	1,15 *** (1,08—1,24)		0,43 *** (0,40—0,46)	
Религиозность		0,99 (0,96—1,02)		0,25 *** (0,24—0,26)

¹⁷ Результаты для спецификаций с альтернативными контролями второго уровня могут быть предоставлены по запросу.

¹⁸ Считается, что для получения надежных оценок группоспецифических коэффициентов количество наблюдений второго уровня должно быть не менее тридцати [Волченко, Широконова, 2017: 20], но в исследованиях на материалах ESS и других межстрановых опросных проектов это требование обычно игнорируется — попросту в силу отсутствия необходимого числа стран и разумных альтернатив. Некоторые авторы [Stegmueller, 2013] рекомендуют в таких случаях использовать байесовские методы. Пересчет представленных здесь моделей при помощи байесовских алгоритмов дает содержательно идентичные результаты.

¹⁹ Данные седьмой волны ESS публично доступны на сайте организации; код, необходимый для воспроизведения результатов, описываемых в статье (в том числе тех, которые упоминаются только в сносках), может быть предоставлен по запросу.

²⁰ Представленные в таком виде коэффициенты показывают, насколько при прочих равных изменится отношение вероятности выбрать ответ «нет» к вероятности выбрать ответ «да» при изменении соответствующего предиктора на одну единицу (для центрированных по группам переменных — при отклонении на одну единицу от группового среднего).

²¹ То есть насколько при прочих равных изменится зависимая переменная при изменении данного предиктора на одну единицу (для центрированных по группам переменных — при отклонении на одну единицу от группового среднего).

Переменные	Мусульмане	Мусульмане	Христианский бэкграунд	Христианский бэкграунд
	Отношение шансов	Отношение шансов	Линейный эффект	Линейный эффект
Возраст	1,29 *** (1,25—1,33)	1,30 *** (1,27—1,34)	0,17 *** (0,16—0,18)	0,16 *** (0,15—0,17)
Кол-во лет образования	0,60 *** (0,58—0,62)	0,60 *** (0,58—0,62)	-0,12 *** (-0,13—-0,11)	-0,12 *** (-0,13—-0,11)
Пол: женский	1,06 * (1,01—1,12)	1,07 ** (1,02—1,13)	-0,04 *** (-0,06—-0,02)	-0,09 *** (-0,11—-0,07)
Оплачиваемая работа: есть	1,08 ** (1,02—1,14)	1,08 ** (1,02—1,14)	-0,01 (-0,04—0,01)	-0,02 (-0,04—0,00)
ВВП	0,57 *** (0,44—0,75)	0,57 *** (0,43—0,74)	-0,24 *** (-0,35—-0,13)	-0,25 *** (-0,36—-0,13)
σ^2	3,29	3,29	0,74	0,73
τ_{00}	0,41 страна	0,41 страна	0,07 страна	0,08 страна
ICC	0,11	0,11	0,08	0,10
Число групп	20	20	20	20
Число наблюдений	29625	29463	29139	29001
R ² Фикс. / Услов.	0,156/0,250	0,155/0,249	0,179/0,248	0,186 / 0,264

Примечание. Для бинарных логистических моделей коэффициенты представлены в виде отношения шансов, для линейных моделей — в виде стандартных регрессионных коэффициентов; в скобках указаны соответствующие доверительные интервалы. σ^2 — это остаточная дисперсия первого уровня, τ_{00} — дисперсия группоспецифических свободных членов. Фиксированный (*marginal*) R² показывает долю дисперсии, объясняемой независимыми переменными; условный (*conditional*) R² дополнительно учитывает дисперсию, объясняемую межгрупповыми различиями.

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Во-первых, существуют определенные различия между людьми вне конфессии, протестантами и католиками в плане (не)готовности принимать мусульман. Различия между первыми двумя категориями являются лишь маргинально статистически значимыми ($p = 0,097$)²²; различия между людьми вне конфессий и католиками значимы на уровне $\alpha = 0,1\%$ ($p = 0,000$) — то есть последние менее толерантны. В то же время предсказанные вероятности ответить «нет» на вопрос про мигрантов-мусульман для соответствующих категорий переменной «конфессия» практически не отличаются: 0,56 (95% ДИ = [0,48; 0,62]²³); 0,57 [0,50; 0,64] и 0,59 [0,52; 0,66]. Таким образом, заметной связи между конфессиональной принадлежностью и отношением к мигрантам-мусульманам не обнаружено. Это означает, что выведенная из теории социальной идентичности гипотеза 1 в целом не согласуется с данными (а значимые отличия объясняются большим размером выборки и, следовательно, высокой мощностью теста).

Во-вторых, по сравнению с респондентами вне конфессий и протестанты, и католики значимо выше оценивают важность христианского бэкграунда иммигрантов — на 0,41 и 0,43 стандартных отклонений соответственно. Предсказанные значения зависимой переменной (по стандартизованной шкале) для этих трех

²² Этот коэффициент является значимым при отсутствии контрольных переменных в модели.

²³ Сообщаемые здесь и далее предсказанные вероятности и значения, а также соответствующие им доверительные интервалы были рассчитаны с помощью функции `plot_model()` в пакете R `sjPlot`.

категорий респондентов равняются $-0,19$ [$-0,31$; $-0,08$]; $0,21$ [$0,10$; $0,33$] и $0,24$ [$0,12$; $0,36$]. Обращает на себя внимание, что между протестантами и католиками в этом отношении нет практически никаких различий, и это позволяет предположить универсальную важность связи с христианской культурой как характеристики иммигрантов для представителей различных христианских конфессий. Так или иначе, гипотезу 2 (также опирающуюся на теорию социальной идентичности) можно считать подтвержденной.

В-третьих, важность христианского бэкграунда приезжающих в страну лиц положительно связана с индивидуальной религиозностью респондентов — при повышении второй переменной на одно стандартное отклонение значение первой также повысится на $0,25$ стандартных отклонения, *ceteris paribus*. Для минимального (нулевого) уровня религиозности предсказанное значение важности христианского бэкграунда иммигрантов равняется $-0,47$ [$-0,59$; $-0,35$], для максимального — $0,72$ [$0,59$; $0,85$]. Таким образом, гипотеза 3 (которая согласуется как с теорией социальной идентичности, так и с теорией религиозного сострадания) также выглядит правдоподобной.

В-четвертых, не наблюдается статистически значимой связи между индивидуальной религиозностью и неприятием мигрантов-мусульман. Соответствующий коэффициент равен $0,99$, а его доверительный интервал захватывает единицу (95% ДИ = [$0,96$; $1,02$]). Стоит отметить, что в парной регрессии можно обнаружить слабый положительный эффект (при повышении религиозности на одно стандартное отклонение шансы ответить «нет» на указанный вопрос анкеты увеличиваются на 10%), который все же исчезает при добавлении контрольных переменных. Таким образом, индивидуальная религиозность, в общем и целом, не связана с отношением к мигрантам-мусульманам. Следовательно, нет весомых статистических аргументов ни в пользу гипотезы 4а (о положительной связи), ни в пользу гипотезы 4б (об отрицательной связи), что противоречит предсказаниям и теории религиозного сострадания (в первом случае), и теории социальной идентичности (во втором).

Дискуссия

Представленные результаты показывают, что более религиозные европейцы значимо чаще склонны считать важным наличие христианского бэкграунда у иммигрантов. При этом связи между индивидуальной религиозностью и отношением к иммигрантам-мусульманам не обнаружилось. Это означает, что теория религиозного сострадания подтверждается лишь частично. Более религиозные европейцы действительно предпочитают иммигрантов из религиозно «близких» групп (что, впрочем, в определенной степени согласуется и с теорией социальной идентичности), однако это ничего не говорит о степени сочувствия к иммигрантам-иноверцам. Возможно, учет фактора расы и/или этничности иммигрантов в дальнейших исследованиях позволит лучше понять, как выстраиваются иерархии «религиозного сострадания» в европейском контексте.

Наличие у иммигрантов христианского бэкграунда действительно оказалось важнее для христиан, чем для людей вне конфессий. Однако различий в отношении к иммигрантам-мусульманам между этими группами почти нет. Оба результата касаются католиков и протестантов примерно в равной степени, что подтверждает

выводы тех исследований, которые говорят об отсутствии значимых различий между этими конфессиями в плане отношения к иммигрантам [Savelkoul et al., 2010; Scheepers, Gijsberts, Hello, 2002]. Следовательно, христианская самоидентификация сама по себе лишь укрепляет чувство солидарности с другими христианами, а (не)готовность принимать иммигрантов-мусульман определяется иными факторами. Видимо, уровень толерантности к приезжим определяется не столько конфессиональной принадлежностью, сколько тем, какие стороны вероучения приоритетны для индивида. Это означает, что теория (религиозной) социальной идентичности также лишь отчасти объясняет связь между религиозностью европейцев и их отношением к иммигрантам.

В целом обе использованные теоретические рамки позволяют объяснить только механизмы формирования установок европейцев по отношению к иммигрантам-христианам, но не к иммигрантам-мусульманам. Последнее может свидетельствовать о том, что религиозная инаковость не является существенным фактором европейской мигрантофобии в ее антимусульманском изводе. Впрочем, как упоминалось выше, ответы респондентов на вопрос о важности христианского бэкграунда иммигрантов могут быть в меньшей степени подвержены искажениям по причине социальной (не)желательности, но при этом они все-таки показывают, что религия приезжающих имеет значение для европейцев — как минимум в плане важности религиозной схожести мигрантов с местными. В этом отношении представляется, что теория социальной идентичности, хотя и не идеально, но все же лучше согласуется с данными, чем теория религиозного сострадания.

В заключение отметим ряд ограничений данного исследования. Во-первых, не рассматриваются религиозные переменные странового уровня — например, исторически преобладающая в стране конфессия и средний уровень религиозности населения. Возможно, «религиозный климат» в стране оказывает большее влияние на отношение ее жителей к иммигрантам, чем религиозные убеждения конкретных индивидов.

Во-вторых, не проверялись возможные эффекты взаимодействия между двумя индикаторами религиозности. Возможно, индивидуальная религиозность по-разному соотносится с отношением к мигрантам среди представителей различных конфессий.

В-третьих, не учитывается межстрановая вариация в силе связи между переменными. Это, в частности, позволило бы выяснить, есть ли значимые различия в эффектах независимых переменных между странами с высоким и низким средним уровнем религиозности, и изучить более подробно феномен «этнической религии» [Hervieu-Léger, 2000; Storm, 2011]. Однако построение надежных многоуровневых моделей, включающих как группоспецифические коэффициенты, так и эффекты взаимодействия, является нетривиальной методологической задачей, решение которой — удел будущих исследований данной темы.

Наконец, в-четвертых, хотя в исследовании и используется большой массив данных по двум десяткам стран, непонятно, до какой степени можно распространить полученные результаты на принимающие общества, в которых доминирующей религией является иная христианская конфессия (как в России) или вообще не христианство.

Список литературы

- Волченко О. В., Широканова А. А. Применение многоуровневого регрессионного моделирования к межстрановым данным (на примере генерализованного доверия) // Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М). 2017. Т. 43. С. 7—62. URL: <https://www.jour.isras.ru/index.php/soc4m/article/view/5264> (дата обращения: 20.01.2022).
- Volchenko O. V., Shirokanova A. A. (2017) Applying Multilevel Regression Modeling to Cross-National Data (on the Example of Generalized Trust). *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling (4M)*. Vol. 43. P. 7—62. URL: <https://www.jour.isras.ru/index.php/soc4m/article/view/5264>. (In Russ.)
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. Политические исследования. 1994. № 1. С. 33—48.
- Huntington S. Clash of Civilizations? (1994) *Polis. Political Studies*. No. 1. P. 33—48. (In Russ.)
- Шустов А. В. Этнокультурные особенности отношения к иммиграции в России // Социальные и гуманитарные знания. 2018. Т. 4. № 3. С. 173—184.
- Shustov A. V. (2018) Ethno-Cultural Peculiarities of Attitudes to Immigration in Russia. *Social and Humanitarian Knowledge*. Vol. 4. No. 3. P. 173—184. (In Russ.)
- Alba R., Foner N. (2014) Comparing Immigrant Integration in North America and Western Europe: How Much Do the Grand Narratives Tell Us? *International Migration Review*. No. 48. P. 263—291. <https://doi.org/10.1111/imre.12134>.
- Allport G. W., Kenneth C., Tettugrew T. (1979) *The Nature of Human Prejudice*. Reading, MA: Addison-Wesley.
- Allport G. W., Kramer B. M. (1946) Some Roots of Prejudice. *The Journal of Psychology*. Vol. 22. No. 1. P. 9—39. <https://doi.org/10.1080/00223980.1946.9917293>.
- Azrouit R., Wojcieszak M. E. (2017) What's Islam Got to Do with It? Attitudes Toward Specific Religious and National out-Groups, and Support for EU Policies. *European Union Politics*. Vol. 18. No. 1. P. 51—72. <https://doi.org/10.1177%2F1465116516678080>.
- Bell A., Jones K., Fairbrother M. (2018) Understanding and Misunderstanding Group Mean Centering: A Commentary on Kelley et al.'s Dangerous Practice. *Quality & Quantity*. Vol. 52. No. 5. P. 2031—2036. <https://doi.org/10.1007/s11135-017-0593-5>.
- Betz H. G. (1994) *Radical Right-Wing Populism in Western Europe*. New York, NY: St. Martin Press.
- Billiet J., Meuleman B., De Witte H. (2014) The Relationship between Ethnic Threat and Economic Insecurity in Times of Economic Crisis: Analysis of European Social Survey Data. *Migration Studies*. Vol. 2. No. 2. P. 135—161. <https://doi.org/10.1093/migration/mnu023>.
- Bloom P. B.-N., Arikan G., Courtemanche M. (2015) Religious Social Identity, Religious Belief, and Anti-Immigration Sentiment. *American Political Science Review*. Vol. 109. No. 2. P. 203—221. <https://doi.org/10.1017/S0003055415000143>.

Boomgaarden H. G., Freire A. (2009) Religion and Euroscepticism: Direct, Indirect or No Effects? *West European Politics*. Vol. 32. No. 6. P. 1240—1265. <https://doi.org/10.1080/01402380903230686>.

Bove V., Böhmelt T. (2016) Does Immigration Induce Terrorism? *The Journal of Politics*. Vol. 78. No. 2. P. 572—588. <https://doi.org/10.1086/684679>.

Brader T., Valentino N. A., Suhay E. (2008) What Triggers Public Opposition to Immigration? Anxiety, Group Cues, and Immigration Threat. *American Journal of Political Science*. Vol. 52. No. 4. P. 959—978. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2008.00353.x>.

Bryan M. L., Jenkins S. P. (2016) Multilevel Modeling of Country Effects: A Cautionary Tale. *European Sociological Review*. Vol. 32. No. 1. P. 3—22. <https://doi.org/10.1093/esr/jcv059>.

Burns P., Gimpel J. G. (2000) Economic Insecurity, Prejudicial Stereotypes, and Public Opinion on Immigration Policy. *Political Science Quarterly*. Vol. 115. No. 2. P. 201—225. <https://doi.org/10.2307/2657900>.

Card D., Dustmann C., Preston I. (2012) Immigration, Wages, and Compositional Amenities. *Journal of the European Economic Association*. Vol. 10. No. 1. P. 78—119. <https://doi.org/10.1111/j.1542-4774.2011.01051.x>.

Casanova J. (2007) Immigration and the New Religious Pluralism: A European Union/ United States Comparison. In: Banchoff T. (ed.) *Democracy and the New Religious Pluralism*. New York, NY: Oxford University Press. P. 59—83. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195307221.003.0005>.

Citrin J., Green D. P., Muste C., Wong C. (1997) Public Opinion Toward Immigration Reform: The Role of Economic Motivations. *The Journal of Politics*. Vol. 59. No. 3. P. 858—881. <https://doi.org/10.2307/2998640>.

Davidov E., Cieciuch J., Meuleman B., Schmidt P., Algesheimer R., Hausherr M. (2015) The Comparability of Measurements of Attitudes toward Immigration in the European Social Survey: Exact versus Approximate Measurement Equivalence. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 79. No. S1. P. 244—266. <https://doi.org/10.1093/poq/nfv008>.

Davidov E., Cieciuch J., Schmidt P. (2018) The Cross-Country Measurement Comparability in the Immigration Module of the European Social Survey 2014—15. *Survey Research Methods*. Vol. 12. No. 1. P. 15—27. <https://doi.org/10.18148/srm/2018.v12i1.7212>.

Davidov E., Meuleman B., Schwartz S. H., Schmidt P. (2014) Erratum Zu: Individual Values, Cultural Embeddedness, and Anti-Immigration Sentiments: Explaining Differences in the Effect of Values on Attitudes toward Immigration across Europe. *KZfSS Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. Vol. 66. No. 1. P. 263—285. <http://dx.doi.org/10.1007/s11577-014-0293-2>.

Fetzer J. S. (2000) Economic Self-Interest or Cultural Marginality? Anti-Immigration Sentiment and Nativist Political Movements in France, Germany and the USA. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 26. No. 1. P. 5—23. <https://doi.org/10.1080/136918300115615>.

Foner N., Alba R. (2008) Immigrant Religion in the US and Western Europe: Bridge or Barrier to Inclusion? *International Migration Review*. Vol. 42. No. 2. P. 360—392. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2008.00128.x>.

Gelman A., Hill J. (2006) *Data Analysis Using Regression and Multilevel/Hierarchical Models*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.

Gorsuch R. L., Aleshire D. (1974) Christian Faith and Ethnic Prejudice: A Review and Interpretation of Research. *Journal for the Scientific Study of Religion*. Vol. 13. No. 3. P. 281—307. <https://doi.org/10.2307/1384759>.

Hadler M., Flesken A. (2018) Political Rhetoric and Attitudes toward Nationhood: A Time-Comparative and Cross-National Analysis of 39 Countries. *International Journal of Comparative Sociology*. Vol. 59. No. 5—6. P. 362—382. <https://doi.org/10.1177/2F0020715218810331>.

Hainmueller J., Hopkins D. J. (2014) Public Attitudes Toward Immigration. *Annual Review of Political Science*. Vol. 17. P. 225—249. <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-102512-194818>.

Hayes B. C., Dowds L. (2006) Social Contact, Cultural Marginality or Economic Self-Interest? Attitudes towards Immigrants in Northern Ireland. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 32. No. 3. P. 455—476. <https://doi.org/10.1080/13691830600554890>.

Hervieu-Léger D. (2000) *Religion as a Chain of Memory*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.

Hobolt S. B. (2016) The Brexit Vote: A Divided Nation, a Divided Continent. *Journal of European Public Policy*. Vol. 23. No. 9. P. 1259—1277. <https://doi.org/10.1080/13501763.2016.1225785>.

Holmes S. M., Castañeda H. (2016) Representing the “European Refugee Crisis” in Germany and Beyond: Deservingness and Difference, Life and Death. *American Ethnologist*. Vol. 43. No. 1. P. 12—24. <https://doi.org/10.1111/amet.12259>.

Immerzeel T., Jaspers E., Lubbers M. (2013) Religion as Catalyst or Restraint of Radical Right Voting? *West European Politics*. Vol. 36. No. 5. P. 946—968. <https://doi.org/10.1080/01402382.2013.797235>.

Karyotis G., Patrikios S. (2010) Religion, Securitization and Anti-Immigration Attitudes: The Case of Greece. *Journal of Peace Research*. Vol. 47. No. 1. P. 43—57. <https://doi.org/10.1177%2F0022343309350021>.

Kentmen-Cin C., Erisen C. (2017) Anti-Immigration Attitudes and the Opposition to European Integration: A Critical Assessment. *European Union Politics*. Vol. 18. No. 1. P. 3—25. <https://doi.org/10.1177%2F1465116516680762>.

Knoll B. R. (2009) “And Who Is My Neighbor?” Religion and Immigration Policy Attitudes. *Journal for the Scientific Study of Religion*. Vol. 48. No. 2. P. 313—331. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5906.2009.01449.x>.

Leong C.-H., Ward C. (2006) Cultural Values and Attitudes Toward Immigrants and Multiculturalism: The Case of the Eurobarometer Survey on Racism and Xenophobia. *International Journal of Intercultural Relations*. Vol. 30. No. 6. P. 799—810. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2006.07.001>.

Lucassen G., Lubbers M. (2012) Who Fears What? Explaining Far-Right-Wing Preference in Europe by Distinguishing Perceived Cultural and Economic Ethnic Threats. *Comparative Political Studies*. Vol. 45. No. 5. P. 547—574. <https://doi.org/10.1177%2F0010414011427851>.

Meuleman B. (2011) Perceived Economic Threat and Anti-Immigration Attitudes: Effects of Immigrant Group Size and Economic Conditions Revisited. In: Davidov E., Schmidt P., Billiet J. (eds.) *Cross-Cultural Analysis: Methods and Applications*. London: Routledge. P. 281—310.

Muis J., Immerzeel T. (2017) Causes and Consequences of the Rise of Populist Radical Right Parties and Movements in Europe. *Current Sociology*. Vol. 65. No. 6. P. 909—930. <https://doi.org/10.1177%2F0011392117717294>.

Nelsen B. F., Guth J. L., Fraser C. R. (2001) Does Religion Matter? Christianity and Public Support for the European Union. *European Union Politics*. Vol. 2. No. 2. P. 191—217. <https://doi.org/10.1177%2F1465116501002002003>.

Norenzayan A. (2013) *Big Gods: How Religion Transformed Cooperation and Conflict*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Olzak S. (1994) *The Dynamics of Ethnic Competition and Conflict*. Stanford, CA: Stanford University Press.

Quillian L. (1995) Prejudice as a Response to Perceived Group Threat: Population Composition and Anti-Immigrant and Racial Prejudice in Europe. *American Sociological Review*. Vol. 60. No. 4. P. 586—611. <https://doi.org/10.2307/2096296>.

Raudenbush S. W., Bryk A. S. (2002) *Hierarchical Linear Models: Applications and Data Analysis Methods*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.

Rooduijn M. (2015) The Rise of the Populist Radical Right in Western Europe. *European View*. Vol. 14. No. 1. P. 3—11. <https://doi.org/10.1007/s12290-015-0347-5>.

Saroglou V., Lamkaddem B., Van Pachterbeke M., Buxant C. (2009) Host Society's Dislike of the Islamic Veil: The Role of Subtle Prejudice, Values, and Religion. *International Journal of Intercultural Relations*. Vol. 33. No. 5. P. 419—428. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2009.02.005>.

Savelkoul M., Scheepers P., Tolsma J., Hagendoorn L. (2010) Anti-Muslim Attitudes in the Netherlands: Tests of Contradictory Hypotheses Derived from Ethnic Competition Theory and Intergroup Contact Theory. *European Sociological Review*. Vol. 27. No. 6. P. 741—758. <https://doi.org/10.1093/esr/jcq035>.

Scheepers P., Gijsberts M., Coenders M. (2002) Ethnic Exclusionism in European Countries. Public Opposition to Civil Rights for Legal Migrants as a Response to

Perceived Ethnic Threat. *European Sociological Review*. Vol. 18. No. 1. P. 17—34. <https://doi.org/10.1093/esr/18.1.17>.

Scheepers P., Gijssberts M., Hello E. (2002) Religiosity and Prejudice against Ethnic Minorities in Europe: Cross-National Tests on a Controversial Relationship. *Review of Religious Research*. Vol. 43. No. 3. P. 242—265. <https://doi.org/10.2307/3512331>.

Schneider S. L. (2008) Anti-Immigrant Attitudes in Europe: Outgroup Size and Perceived Ethnic Threat. *European Sociological Review*. Vol. 24. No. 1. P. 53—67. <https://doi.org/10.1093/esr/jcm034>.

Sides J., Citrin J. (2007) European Opinion About Immigration: The Role of Identities, Interests and Information. *British Journal of Political Science*. Vol. 37. No. 3. P. 477—504. <https://doi.org/10.1017/S0007123407000257>.

Stegmuller D. (2013) How Many Countries for Multilevel Modeling? A Comparison of Frequentist and Bayesian Approaches. *American Journal of Political Science*. Vol. 57. No. 3. P. 748—761. <https://doi.org/10.1111/ajps.12001>.

Storm I. (2011) “Christian Nations?” Ethnic Christianity and Anti-Immigration Attitudes in Four Western European Countries. *Nordic Journal of Religion and Society*. Vol. 24. No. 1. P. 75—96.

Swank D., Betz H. G. (2003) Globalization, the Welfare State and Right-Wing Populism in Western Europe. *Socio-Economic Review*. Vol. 1. No. 2. P. 215—245. <https://doi.org/10.1093/soceco/1.2.215>.

Tajfel H. (1981) *Human Groups and Social Categories: Studies in Social Psychology*. Cambridge, NY: Cambridge University Press.

Van der Brug W., Hobolt S. B., De Vreese C. H. (2009) Religion and Party Choice in Europe. *West European Politics*. Vol. 32. No. 6. P. 1266—1283. <https://doi.org/10.1080/01402380903230694>.

Ysseldyk R., Matheson K., Anisman H. (2010) Religiosity as Identity: Toward an Understanding of Religion from a Social Identity Perspective. *Personality and Social Psychology Review*. Vol. 14. No. 1. P. 60—71. <https://doi.org/10.1177/1088868309349693>.

Приложение

Таблица А1. *Описательные статистики*

N = 29916

Мигранты-мусульмане	
— Пропуски (%)	0 (0%)
— Да	12 778 (42,7%)
— Нет	17 138 (57,3%)
Важность христианского бэкграунда	
— Пропуски (%)	507 (1,7%)
— Среднее (std. откл.)	3,340 (3,114)
— Размах	0,000—10,000
Деноминация	
— Пропуски (%)	0 (0%)
— Вне конфессий	14 035 (46,9%)
— Протестанты	4 869 (16,3%)
— Католики	11 012 (36,8%)
Религиозность	
— Пропуски (%)	165 (0,6%)
— Среднее (std. откл.)	4,141 (3,006)
— Размах	0,000—10,000
Возраст	
— Пропуски (%)	45 (0,2%)
— Среднее (std. откл.)	50,099 (18,832)
— Размах	14,000—104,000
Лет образования	
— Пропуски (%)	237 (0,8%)
— Среднее (std. откл.)	12,822 (3,951)
— Размах	0,000—50,000
Пол	
— Пропуски (%)	0 (0%)
— Мужчины	14 420 (48,2%)
— Женщины	15 496 (51,8%)
Оплачиваемая работа	
— Пропуски (%)	0 (0%)
— Нет	14 420 (48,2%)
— Да	15 496 (51,8%)
ВВП	
— Пропуски (%)	0 (0%)
— Среднее (std. откл.)	32066,185 (15436,834)
— Размах	11200,000—73300,000
Коэффициент Джини	
— Пропуски (%)	0 (0%)
— Среднее (std. откл.)	30,908 (3,411)
— Размах	25,400—37,400
ИЧР	
— Пропуски (%)	0 (0%)
— Среднее (std. откл.)	0,886 (0,045)
— Размах	0,750—0,950